

ВАЛЕРИЙ РОНЬШИН

Дарма Мухина

И ТАЙНА ЗЕФИРА
В ШОКОЛАДЕ

«МЭДИУМ»

Тайны Эммы Мухиной

Валерий Роньшин

**Эмма Мухина и Тайна
зефира в шоколаде**

«Издательство АСТ»

1996

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Роньшин В. М.

Эмма Мухина и Тайна зефира в шоколаде / В. М. Роньшин —
«Издательство АСТ», 1996 — (Тайны Эммы Мухиной)

Детективная повесть «Эмма Мухина и Тайна зефира в шоколаде» известного писателя В. Роньшина – первая из цикла книг о приключениях супер-девочки Эммы Мухиной, которая в один самый обыкновенный день поневоле становится сыщиком-разведчиком... Произведение отличают захватывающий сюжет, живой язык, неповторимый авторский юмор. Для среднего школьного возраста.

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Роньшин В. М., 1996
© Издательство АСТ, 1996

Содержание

Глава I	6
Глава II	9
Глава III	11
Глава IV	13
Глава V	16
Глава VI	19
Глава VII	21
Глава VIII	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Валерий Роньшин
Эмма Мухина и Тайна зефира в шоколаде
детективная повесть

© Роньшин В.М., 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Глава I

Я остаюсь одна

Выйдя из метро, я почувствовала, что за мной следят. Вернее, я это почувствовала еще в вагоне, когда напротив меня уселся здоровенный тип в черном плаще и стал демонстративно листать детский журнал. Я сразу поняла, что это маньяк-убийца. Их сейчас в Москве развелось видимо-невидимо. В одной газетке даже подсчитали, что в столице орудует десять тысяч маньяков. Да и физиономия у него была типично маньяческая: редкие усики, оттопыренные красные ушки и светло-голубые глаза. У всех маньяков почему-то светло-голубые глаза – писали в той же газете.

Вы, наверное, думаете, что я очень нервная. Вполне возможно. Дело в том, что я родилась тринадцатого мая в роддоме номер тринадцать. Представляете?.. Да еще и имечко мне маман подобрала – смешнее не придумаешь. Эмма. Я ненавижу свое имя. Это не имя, а какой-то сироп. А уж когда мать называет меня «Эмилия» – я ее готова придушить на месте. Честное слово.

Вот из-за такого дня рождения со мной вечно происходят разные неприятности. К примеру, в прошлом году я пошла в гости к своей подружке Таньке. И представьте себе, мне на голову упало кресло. Его поставили на шкаф, когда красили полы, да так и забыли оттуда снять. Вот оно и свалилось прямо на мою репу. Будешь тут нервной.

Вообще я хочу сказать, что человеку, родившемуся тринадцатого числа, да еще с таким «симпатичным» имечком, надо постоянно держать ухо востро. Это я уже давно поняла. Мне нельзя ждать милости от природы. Впрочем, я и не жду. И пока мои подружки, Танька с Анькой, ходят на шейпинг и в бассейн, я по три раза в неделю потею в спортзале, изучая карате и дзюдо. Еще я закончила курсы автолюбителей, научилась стрелять из пистолета и выучила арабский язык по самоучителю. Ну, арабский – это так, на всякий пожарный случай. Потому что, если тебе на голову сыпятся кресла, тут уж не угадаешь, что в жизни пригодится, а что нет.

Теперь вы, наверное, решили, что я страшно энергичная. Фиг попало. На самом деле я лентяйка, каких свет не видывал. Моя голубая мечта – целыми днями валяться в постели и объедаться зефиром в шоколаде. Думаю, у меня бы это хорошо получилось. Но валяться не дают родители, а зефир мне не по карману.

Еще я, естественно, хожу в школу. Вот уж это, я вам скажу, – удовольствие ниже среднего. Казалось бы, за семь лет можно и привыкнуть, но я как-то не привыкла. Наверное, из-за того, что у меня в школе нет друг. Ну есть, конечно, Танька с Анькой, но, во-первых, они учатся в параллельном 7-м «Б», а во-вторых, они круглые дуры! Например, Анька на полном серьезе считает, что «Пинк Флойд» – это такая порода собак, типа «доберман-пинчер». А Танька однажды заявила, что Шекспира зовут Вильгельм и что он главный тренер футбольного клуба «Бавария»!.. Ну как, скажите на милость, с такими дурехами можно общаться?! А вот – общаюсь. Не молчать же целыми днями, словно глухонемая.

Учителя в нашей школе тоже, прямо скажем, не эйнштейны. Иногда такое загнут – хоть стой, хоть падай. Буквально вчера наш директор, Михал Тарасыч, с гордостью выдал: «Мне некогда думать, я работаю!» Хотя б одним глазком посмотреть, как он работает. Вечно болтается по коридору со спичкой в зубах.

Или вот наша новая математичка Елена Леонидовна. В школе без году неделя, а ко мне все время придирается. То ей не так, это ей не так. В общем, тоже дура!..

Мы с моим папочкой часто спорим по этому поводу.

– Тебя послушать, – кричит он, – так выходит, кругом одни дураки!

А я что, виновата, если так выходит? Да, одни дураки. Может, где-нибудь в Париже и не дураки. А у нас – дураки!

Кстати, о Париже. Мои родители сегодня туда улетают. Не верите?.. Я и сама поначалу не поверила. Париж... пятизвездочный отель... обед на Эйфелевой башне... Оказалось – чистой-павда. Моя маман победила в телеконкурсе. Там было условие – кто дольше всех прохочет. И маман умудрилась прохочотать два с половиной часа. И то не видать бы ей Парижа как своих ушей, если бы тетку, которая прохочотала три часа, не увезли в психушку.

...Когда я вышла из вагона, маньяк с журналом остался сидеть на своем месте. А за мной увязался другой маньяк. Правда, не такой здоровенный, как первый, зато очень смахивающий на убийцу, приметы которого утром передавали по радио. Убивал он исключительно семиклассниц и исключительно по вторникам. А я – семиклассница. И сегодня как раз вторник.

Я чуть ли не бегом выскочила из метро, он за мной. Я пошла направо, и он направо. Я остановилась у киоска, и он остановился. Тут меня злость разобрала. Ну, думаю, блин, сейчас я тебе ка-ак врежу между глаз! Ногой. Мне тренер говорил, что удар моей правой ноги напоминает ему удар профессионального боксера в тяжелом весе. Так что мало не покажется.

Маньяк между тем купил в киоске бутылку «Амаретто» и убрался в неизвестном направлении. Наверное, пошел искать другую семиклассницу; понял, что со мной шутки плохи.

Я посмотрела на часы – боже, половина пятого! Мать меня точно пристрелит, у них же самолет через два часа.

Когда я прибежала домой, из комнаты раздался голос матери:

– Эмми-и-лия, это ты?!

Вот тоже дурацкая привычка – орать на всю квартиру.

– Эмми-и-лия, это ты или не ты?!

– Это не я! – закричала я в ответ. – Это бандиты!

Маман вышла в прихожую и с ходу начала меня отчитывать:

– Где ты пропадаешь?! Я и твой отец волнуемся! Разве ты не знаешь, что мы сегодня улетаем в Париж!

– Я была на тренировке.

– Могла бы и пропустить один раз. Не каждый день твои родители в Париж летают!

Тут из маленькой комнаты появился мой обожаемый папочка. В семейных трусах.

– Кто-о мо-о-жет сравниться с Эмилей моей, – фальшиво пропел он, выставив вперед свой живот. – Девочки, не надо ссориться. Жизнь прекрасна и удивительна!.. Эмка, шагай за мной.

Мы прошли в маленькую комнату, и он протянул мне пачку денег.

– Держи. Надеюсь, до нашего возвращения тебе хватит.

– Ага, – отвечаю, – на хлеб и воду, пожалуй, хватит.

Папочка скорчил недовольную гримасу.

– Ну правильно: если ты будешь покупать один зефир в шоколаде, то может и не хватить.

– Ладно уж. – Я забрала у него деньги. – Как-нибудь перезимую; спички есть, дрова сворую.

В комнату заглянула сверхзабоченная маман.

– Положи деньги в укромное местечко, – затараторила она. – Не разбрасывай их по всей квартире.

– Было бы что разбрасывать, – фыркнула я.

В дверь позвонили. Папочка, натянув спортивные штаны, пошел открывать. Через минуту в комнате появился Володька Воробьев по прозвищу Воробей, мой одноклассник и наш сосед по лестничной площадке. Страшный зануда.

Его родители, то ли геологи, то ли археологи (во всяком случае, дома они бывают от силы два раза в год), подарили ему на день рождения скрипку. Вот Воробей и пиликает на ней с утра

до вечера. Маман в Володьке просто души не чает. Он и самостоятельный, он и трудолюбивый, он и талантливый... Короче, не человек, а ходячий идеал со скрипкой.

– Здравствуйте, Мария Ивановна, – говорит этот хлюст приторно-вежливым голосом. – У вас не найдется парочки лавровых листьев, а то я готовлю рыбу по-аргентински.

По-аргентински рыбу он готовит! Слыхали?..

– Ну конечно, Володечка, – прямо-таки растаяла маман. – А мы сейчас в Париж улетаем.

– Кстати, Владимир, – хлопнул Воробья по плечу папочка, – у нас с Марией Ивановной к тебе небольшая просьба. Ты парень серьезный, самостоятельный... Присмотри за нашей Эмкой, пока мы не вернемся.

– Не беспокойтесь, Игорь Николаевич, – важно отвечает Володька. – Даю вам честное слово, что с Эмилией все будет в порядке.

«С Эмилией...» И этот туда же!

– Ну, я пойду, – продолжает Воробей, – а то мне надо еще полы помыть.

От такого сногшибательного заявления маман даже про Париж забыла.

– Вот видишь! Вот видишь! – сверкает на меня глазами. – Владимир моет пол. А ты...

– Владимир, – сказала я, – ты бы уж действительно шел отсюда. А то еще, чего доброго, рыба по-аргентински уплывет.

– Эмма! – вскричала маман. – Как тебе не стыдно!

А Воробью хоть бы что. Он даже мне отвечать не стал.

– До свидания, Мария Ивановна, – говорит. –частливого вам полета, Игорь Николаевич.

– До свидания, Володечка, – откликнулись мои умиленные родители.

Только ангелочка с крылышками над всей этой сценой не хватало. Но вместо ангелочка появился хмурый мужик в фуражке.

– Такси заказывали? – спросил он, покручивая на пальце брелок с ключами.

– Заказывали, заказывали, – засуетился папочка.

– Мы сейчас в Париж улетаем, – сообщила маман и таксисту радостную весть.

– А мне хоть в Магадан, – ответил тот и запел: – Париж, Париж, не ходишь, а парись...

Глава II

В квартире появляется неизвестный

После отъезда моих драгоценных родителей я решила устроить себе внеочередные каникулы. В одной умной книжке я вычитала, что, хоть учись, хоть не учись, в голове остается всего лишь пять процентов от полученных знаний. Остальное забывается. А раз так, то чего ради стараться?.. Уж пять-то процентов у меня в любом случае наберется. А не наберется – тоже не беда. Ну какая, к примеру, мне разница, как пишется слово «холл» – с одним «л» или с двумя? Да хоть с тремя! Если мне срочно понадобится этот «холл», то я всегда могу спросить у папочки.

Короче, вместо школы я стала ходить на дискотеки. Это тоже, скажу я вам, дело нелегкое. Дискотек по Москве хоть пруд пруди, в одном только нашем районе штук десять! Попробуй все обойти. И везде музыка грохочет, огни мигают, ди-джеи орут, а толпа шизеет. Классно, одним словом.

Домой я теперь приползала где-то в двенадцатом часу ночи, усталая как собака. Сразу бухалась на кровать и спала до обеда. Затем обедала зефиром в шоколаде. И снова валилась в постель, глядеть кино. Пару фильмов посмотришь – и уже пора на дискотеку...

Одно только было плохо – деньги таяли как шоколад на батарее. Потому что коробка зефира – это вам не пачка с макаронами. Да и билет на дискотеку тоже стоил недешево.

А тут еще этот зануда Воробьев повадился приходить чуть ли не каждый день. Я думала, он от фонаря брякнул родителям, что будет за мной присматривать. Фиг попало. Как вернется из школы, так сразу и начинает в дверь трезвонить.

– Никого нет дома, – кричу я ему из-за дверей.

– А кто тогда говорит? – спрашивает он.

– Говорит попугай.

– Вот что, попугай, Елена Леонидовна уже три раза интересовалась, почему ты в школу не ходишь.

Елена Леонидовна не только математичка, но еще и наша классная. Мы ее зовем – Леночка Леонидовна. У нее большие ненакрашенные глаза и черное платье с белым воротничком. Типичная училка.

– Передай ей, что я болею, – говорю Володьке.

– Ну-ну, – отвечает он, – смотри, Мухина. Вылетишь из школы со второй космической... Это ты хоть понимаешь?!

Это я, конечно, понимаю. Но у меня есть чудесное правило – никогда не думать о завтрашнем дне. Будь что будет! И, как ни странно, мне все сходит с рук. Даже если взять это дурацкое кресло, то и оно упало на мою голову своей мягкой частью.

– Так что подумай, – не отстают Воробей. – Тем более что скоро контрольная по алгебре.

– Ладно, – сдаюсь я. – Завтра, может быть, приду.

Но ни завтра, ни послезавтра я в школу не пошла. Уж больно по утрам вставать лень. Вообще я страшно разленилась. Днем меня только на то и хватало, чтобы дотащить до магазина за очередной коробкой зефира.

Вот так я и жила изо дня в день, пока однажды...

Собственно говоря, в тот день тоже ничего особенного не произошло. Произошло ночью. Я, как обычно, вернулась с дискотеки и залезла в горячую ванну, прихватив с собой бутылку кока-колы и коробку зефира. Все это благополучно слопала и незаметно для себя уснула.

Проснулась я от звука шагов. Кто-то ходил по квартире. Я так прямо и обмерла. Вот сейчас дверь распахнется и... В отчаянии я схватила зубную щетку и крепко сжала. Выглядела я, наверное, как самая настоящая идиотка.

Шаги раздались в прихожей. Щелкнул замок.

Я лежала в остывшей воде, боясь пошевелиться. Наконец, где-то через полчаса, я осторожно вылезла из ванны и приоткрыла дверь. Потом рванула на кухню и схватила с полки газовый баллончик. Было тихо. Может, мне все это померещилось?.. Я осторожно обошла квартиру. Чтобы как-то успокоиться, включила телик и увидела на экране мертвеца в гробу. Вдруг он резко открыл глаза и посмотрел на меня. Я завизжала и, выключив телевизор, забилась в стеной шкаф.

Так я и просидела в шкафу до самого утра, сжимая в кулаке баллончик с газом.

А утром, как обычно, в дверь позвонил Воробей. Я тут же открыла.

– Володька! – бросилась я ему на шею. – Заходи, родной. Как я рада тебя видеть!

– Мухина, ты что, с ума сошла? – подозрительно глянул он на меня.

Я втащила его в прихожую и рассказала все, что со мной приключилось этой ночью.

Воробей отнесся к моим словам скептически.

– Тебе это приснилось, – убежденно сказал он. – Ты же ведешь нездоровый образ жизни. Вот и снится всякая чушь. Ложиться надо в девять вечера, а по утрам принимать холодный душ.

– Спасибо за совет, – поблагодарила я. – Но мне кажется...

– Хватит болтать, Мухина! – перебил Володька. – Пошли в школу!

Я сразу подчинилась. Честно говоря, мне и самой хотелось поскорей уйти отсюда в людное место. Но перед уходом я, несмотря на Володькины насмешки, выдернула из головы длинный волосок и лаком для ногтей прикрепила его к входной двери. Почти у самого пола, чтоб незаметно было.

В школе я, конечно же, повстречалась с Леночкой Леонидовной.

– Вот что, милочка моя, – строго сказала она (Леночка Леонидовна всегда говорит «милочка моя», когда сердится), – я не собираюсь покрывать твои прогулы. Имей в виду: ты – кандидатка на исключение.

Я покорно кивала и отвечала, что буду иметь в виду.

Когда мы с Воробьем вернулись домой, я первым делом проверила – на месте ли волосок? Волосок был на месте, но со стороны двери оторван. Выходит, пока я отсутствовала, кто-то снова проникал в квартиру. Тут уж и Володька призадумался. Главное, что ничего не пропало, даже драгоценности маман в малахитовой шкатулке остались нетронутыми.

– Интересное кино получается, – сказал Воробей. – Может, к тебе Барабашка приходил?

– Барабашки через двери не ходят, – авторитетно заявила я.

– Ну тогда не знаю, – пожал плечами Володька. – Денег не взяли, драгоценности на месте. Значит...

– Значит, – подхватила я, – ему нужно что-то другое.

Глава III

Пропавшая фотография

На следующий день все частично разъяснилось. Или, лучше сказать, еще больше запуталось. Это был выходной, и мы с Воробьем сидели у меня, в сотый раз пережевывая эту странную историю. Вернее, я одна пережевывала. Володька со скучающим видом глядел в окно.

– Слушай, Воробей, – не выдержала я, – если тебе все это до лампочки, можешь проваливать. Я тебя не держу.

Он поднялся с кресла.

– Ты знаешь, мне действительно пора заниматься. Паганини говорил, что настоящий скрипач должен играть каждый день. Иначе рука перестанет чувствовать смычок.

– Сам ты смычок, – раздраженно бросила я. – «Не беспокойтесь, Игорь Николаевич, с Эмилией все будет в порядке». Кто это говорил?.. Тоже Паганини?! Наобещал с три короба, а теперь в кусты.

– Не в кусты, а на конкурс, – важно ответил Воробей.

– На какой еще конкурс?

– На такой. В Питере проводится конкурс юных скрипачей. Мне прислали приглашение.

– Поду-у-маешь, – презрительно скривилась я. – В Питере! Нашел чем хвастаться. Вот если бы тебя пригласили в Италию или в Штаты...

– Всеу свое время. Для начала сойдет и Питер.

И Володька повернулся, чтобы идти.

– Иди, иди, – сказала я ему в спину. – Но учти: если меня укокошат, тебе по ночам будет являться мой окровавленный труп!

– Ну чего ты хочешь, Мухина?

– Зефира в шоколаде, – капризно произнесла я. – Но от тебя разве дождешься. – Я направилась в прихожую. – Если будешь уходить, захлопни дверь. Мне надо сходить в магазин. Чао-какао.

И я действительно пошла в магазин, купила там себе коробку зефира и, конечно же, на обратном пути все слопала, оставив парочку зефиринок на тот случай, если Воробей все-таки не ушел к своей обожаемой скрипке.

Володька не ушел. Сидя на прежнем месте, он от нечего делать листал фотоальбом.

Тут надо сказать, что мой папочка – страстный фотолобитель. Он ни на секунду не расстается с фотоаппаратом. По-моему, даже спит с ним в обнимку. Так что наша семья запечатлена во всех мыслимых и немыслимых ракурсах.

В данный момент Воробей листал фотоальбом под названием «Наша дочь». Альбом открывался цветным снимком, который папочка умудрился сделать тринадцатого мая в роддоме номер тринадцать. Далее шли фотографии, где меня, голенькую, купают в ванночке; затем я, голенькая, лежу в кроватке; а после, опять же голенькая, сижу на руках у счастливой маман. Короче – сплошная порнуха.

На следующих страницах замелькали бантики, куколки, новогодние елки... Володька уже собрался листать дальше, но я завопила словно резаная:

– Стой! Стой! Стой!

Он даже вздрогнул от неожиданности.

– Ты чего, Мухина?

Я без лишних слов забрала у него альбом. Так и есть! Не хватает одного снимка. Его кто-то отодрал. Причем неаккуратно.

Я с победным видом посмотрела на Воробья.

– Что ты на это скажешь?

– На что?

– Протри очки, Паганини! – Я сунула ему альбом под самый нос. – Неужели не видишь: одной фотки нет!

– А может, Игорю Николаевичу не понравилось качество снимка.

– Мой папочка, – разъяснила я, – скорее повесится, чем наклеит в альбом некачественный снимок. Здесь и дураку ясно – фотку сперли. И спер ее тот самый тип, который приходил вчера ночью.

– Ага, – дурашливо кивнул Володька. – Это был шпион. А ты сфотографирована на фоне секретных ракет.

Я шутя замахнулась на него альбомом.

– Нет, нет! – тоже шутя, в ужасе заорал он. – Я ошибся! Просто кто-то узнал, что ты станешь знаменитой топ-моделью, и решил заранее украсть твой снимок!

Я на полную мощь врубила музыку... В общем, мы стали беситься.

Вдоволь наоравшись и напрыгавшись, мы повалились без сил: я на диван, Воробей в кресло.

– Значит, так, Мухина, – отдышавшись, сказал он, – сколько тебе лет на этой фотке?

– Лет пять, наверное.

– А что ты там делаешь?

– Не помню. Вроде бы стою в детском саду...

– Слушай, а может, в других альбомах есть такой же снимок?

– Исключено. Папочка всегда оставляет лучший отпечаток.

– А негатив?

– Верно! – воскликнула я. – Должен быть негатив!

Мы помчались в кладовку, где у отца была оборудована фотолаборатория. И... замерли на пороге. Негативы вперемешку с фотобумагой валялись на полу.

Мы с мрачными лицами смотрели на весь этот кавардак. Все то, что в какой-то момент показалось нам веселой игрой, вновь превратилось в настоящую опасность.

– Воробей, – с тревогой сказала я, – меня выслеживает маньяк-убийца.

– Ну-у... – неуверенно протянул он. – Не думаю.

– Ой, мамочка, жить-то как хочется.

– Спокойно, Мухина, – твердо сказал Володька, видимо, вспомнив, что он все-таки мужчина. – Я тебя в обиду не дам.

– Не понимаю, – бормотала я, – если он забрал негатив, то зачем ему еще и фотография понадобилась?

– Здесь-то как раз все понятно. Сначала он обнаружил фото. Оторвал его. А затем нашел и негатив.

– А почему он не унес весь альбом?

– Почему-почему, вздохнул Воробей. – По кочану. Кто знает, что у него на уме.

– Скоро мы об этом узнаем, – со вздохом произнесла я.

И как в воду глядела.

Глава IV

Леночка Леонидовна падает в обморок

Прошло еще несколько дней. Володька уехал в Петербург на конкурс юных скрипачей. Я осталась совершенно одна. Днем-то было еще ничего, но вечерами я вздрагивала от малейшего шороха.

Спала я теперь на полу за шкафом. А в свою кровать, под одеяло, сунула мамину шубу. На тот случай, если бандюга попытается меня убить.

Я себе это так представляла: он прокрадывается в мою комнату и с дьявольской ухмылкой вонзает в шубу свой нож! А я в этот момент подсакиваю сзади и грохаю его молотком по башке!.. На другой день в газете статья: «Отважная девочка задержала убийцу».

Теоретически это, конечно, выглядело классно. Но как все получится на практике?.. А вдруг у него крепкая башка и он не свалится без сознания?.. От этой мысли меня прямо в жар бросало.

Но прошла одна ночь, вторая, третья... И пока что никто меня убивать не собирался. Дискотеки, впрочем, я все равно перестала посещать. Не то настроение. В школу ходить у меня тоже настроения не было. Представляю, что мне выскажет Леночка Леонидовна, когда я там появлюсь.

А тут как-то раз, в среду, выглянула я в окно и глазам своим не поверила. Леночка Леонидовна собственной персоной рулит к нашей парадной.

Через минуту раздался звонок. Я открыла.

– Здравствуй, Мухина, – сказала Леночка Леонидовна. – Можно войти?

– Конечно, – отвечаю, – входите, Елена Леонидовна.

Вошла она и вежливо интересуется:

– А родители твои дома?

– Нет, Елена Леонидовна, – тоже вежливо говорю, – их дома нет.

– Хорошо. Я тогда подожду.

«Долго же тебе придется ждать», – злорадно подумала я.

Пройдя в комнату, она села в кресло. Достав из сумочки чистенький платочек, стала протирать стекла очков.

– А скоро они придут?

– Недели через две.

– Как недели через две?! Почему?

Я сказала – почему. Она покачала головой:

– Ну и что мы с тобой, Мухина, теперь делать будем?

– Давайте чайку попьем, – предложила я.

– Да я не про это, – поморщилась она. – А про твои прогулы. И про твою успеваемость. О чем ты только думаешь, милочка моя?

Честно говоря, я думала о том, что хорошо бы сейчас полакомиться зефиром в шоколаде. Но не могла же я ей об этом сказать, сами понимаете.

– Да ни о чем не думаю, Елена Леонидовна.

– Вот в том-то и беда, что ни о чем. А пора бы серьезно задуматься, ты уже взрослая девочка. Другие дети в твоём возрасте... – И завела пластинку о том, какие бывают замечательные дети в моём возрасте.

И тут в дверь позвонили.

Я насторожилась. Кто бы это мог быть?.. Танька с Анькой сегодня в бассейне; Володька в Питере... Между тем трезвонили все настойчивее.

Я пошла открывать. Иду, а мне словно кто в ухо шепчет: «Эмка, не открывай. Не открывай, дура...» Я остановилась, постояла... И дальше двинулась уже на цыпочках.

– Кто там? – бодрым голосом спросила я, прижимаясь спиной к стене.

Что здесь началось – вы не поверите.

В дверь стали стрелять!..

Честное слово, не вру. Такой грохот поднялся! Тра-та-та-та-та-та!.. У меня прямо сердце в пятки ушло. Я зажала уши и, опустившись на четвереньки, отползла в сторону кухни.

Пули легко прошивали не только входную дверь, но и дверь напротив, в ванную. Только щепки во все стороны летели.

Мне показалось, что палили целую вечность. Потом стрельба внезапно прекратилась. «Все, – подумала я обреченно, – сейчас кинут гранату...» По квартире плавал пороховой дым. Входная дверь была как решето. Не лучше выглядела и дверь ванной. А уж про мое любимое зеркало в прихожей я и не говорю...

Я сидела на полу в каком-то оцепенении, в то же время ясно сознавая – меня хотели убить. И убили бы, можете не сомневаться, если б я как нормальная идиотка подошла к дверям. На секунду я представила свое тело, лежащее в луже крови, и мне стало жутко.

На подгибающихся ногах я вернулась в комнату. Леночка Леонидовна все так же сидела в кресле. Но без сознания. Я похлопала ее по щекам.

– Что это такое? – очнувшись, прошептала она.

– Меня хотели убить, – сказала я.

– Тебя? Убить?.. За что?..

– Ни за что. Просто так.

– Надо, наверное, вызвать полицию, – лепетала бедная Леночка Леонидовна.

Тут в дверь опять позвонили.

Леночка Леонидовна слабо вскрикнула и снова потеряла сознание. Я похолодела от ужаса. Послышались глухие удары. Дверь с треском распахнулась, и в квартиру ворвались омоновцы. Здоровенные мужики в бронежилетах, масках и с автоматами.

– Всем на пол! Руки за голову! Стреляем без предупреждения!

Ничего себе, думаю, заявочки. Но сразу же подчинилась. Потому что хоть это и омоновцы, но по зубам вполне могли прикладом заехать.

– От-ставить! – раздался властный голос, и в комнату вошел плечистый мужчина. – Что это вы, сержант, девочку пугаете?.. Не волнуйся, Эмма, все в порядке. Сейчас поедем в отделение, и ты мне подробно расскажешь, что здесь произошло. Договорились?

Я испуганно кивнула.

– А это твоя мать? – указал он на Леночку Леонидовну.

– Учительница, – с трудом выговорила я.

– Ясно. – Он повернулся к сержанту. – Позаботьтесь об учительнице. Если ей потребуется медицинская помощь, отвезите в больницу. Если нет, снимите показания и отвезите домой. Все понятно?

– Так точно! – гаркнул омоновец.

У подъезда стоял полицейский автобус с двумя мигалками на крыше. Мы прошли мимо и, выйдя из подворотни, остановились возле зеленого «Ягуара». Мужчина предупредительно распахнул дверцу.

– Прошу, Эмма.

Мы поехали.

В салоне звучала забойная музыка... «А откуда он знает мое имя?!» – вдруг обожгла меня тревожная мысль.

Тем временем «Ягуар», влившись в поток машин, помчался к центру Москвы. Мы выскочили на Новый Арбат, свернули на бульвары... Вскоре показали остроконечные башни

Кремля. Повернув в какой-то переулочек, «Ягуар» остановился у серого многоэтажного здания. Приехали.

По холлу прохаживался рослый охранник в камуфляже и с отвисшей кобурой на ремне. Мы поднялись в лифте на восьмой этаж. Здесь тоже разгуливал охранник с пистолетом. Мы пошли в самый конец коридора. По обе стороны от массивных дверей стояли еще два охранника, на сей раз с автоматами.

Двери распахнулись, пропуская нас в просторный кабинет. За большим столом сидел маленький генерал. Он что-то писал.

При нашем появлении генерал поднял голову.

– Эмма Мухина, – доложил мой спутник.

Глава V

Донесение секретного агента Ф-17

– Так-так-так, – сказал генерал, вставая. Он крепко пожал мне руку и представился: – Генерал Пивоваров, начальник Управления внешней разведки.

От удивления я не могла вымолвить ни слова. Пивоваров, видимо, это понял.

– Майор Глов, – обратился он к моему спутнику, – вы что, ей ничего не объяснили?

– Не успел, Фрол Федосеевич, – развел руками Глов. – Час назад на квартиру было совершено вооруженное нападение. Стреляли из двух автоматов. Девочку чуть не убили.

Это сообщение чрезвычайно обрадовало генерала.

– Отлично! – воскликнул он. – Замечательно! Значит, мы попали в самую точку!

Я окончательно запуталась. Что отлично?.. Что замечательно?.. То, что меня чуть не убили... или то, что они попали в самую точку?..

– Прошу к столу, – пригласил генерал Пивоваров и, нажав кнопку селектора, приказал: – Ирочка, принеси, милая, чего-нибудь сладкого.

Через минуту в кабинете появилась Ирочка. Она катила перед собой столик на колесиках. Чего на этом столике только не было! Мороженое, пирожные, шоколадные конфеты, кексы, пряники...

– Бери все, чего душа пожелает, – сказал мне генерал. – Вот эклер, вот булочки с повидлом...

– А зефира в шоколаде у вас случайно нет? – спросила я, понемногу осваиваясь в новой обстановке.

– Ирочка, – снова позвал Пивоваров. – Зефира в шоколаде, милая.

Ирочка была тут как тут. С огромной коробкой зефира.

«Вот бы мне такую Ирочку, – невольно подумала я. – Ирочка, сегодня диктант по русскому, сходи, милая, напиши на пятак».

– А ты в каком классе учишься? – словно угадав мои мысли, поинтересовался генерал.

– В седьмом, – ответила я.

– Естественно – отличница? – без тени сомнения спросил Пивоваров.

– Да нет, – разочаровала я его, – двоечница.

– Тоже неплохо, – одобрил генерал. – Еще неизвестно, кто талантливее: отличники или двоечники. Я вообще в школу не ходил, а генералом стал. А вот он, – кивнул Пивоваров на Глова, – институт и две академии закончил, а всего лишь майор. Жизнь, дочка, это тебе не школа.

– Прошу, – подал мне чашку Глов. – Турецкий кофе, без сахара...

Генерал Пивоваров отправил в рот пару пирожных.

– Ну что ж, начнем, пожалуй. Итак, Эмма... – он запнулся. – Как тебя по батюшке?

– Можно без отчества, – разрешила я и слопала зефирину. – Мне еще нет пятидесяти.

– Итак, Эмма, я должен тебя предупредить: все, что ты сейчас услышишь, является строжайшей государственной тайной.

Я кивнула. И слопала еще одну зефирину.

– Давай, Глов, – приказал генерал.

Майор достал из сейфа листок бумаги и с выражением прочел:

– «Совершенно секретно. Донесение агента Ф-17. По данным, полученным из достоверных источников, в Москве проживает девочка Эмма, тринадцати-пятнадцати лет. Она обладает сверхсекретной информацией, в сокрытии которой крайне заинтересованы спецслужбы одной азиатской страны. Поэтому не исключен вариант физического устранения вышеназван-

ной Эммы. Фамилию, домашний адрес и внешность девочки выяснить не удалось. Также неясно, какого рода информацией она обладает. Ф-17».

Майор снова убрал листок в сейф. Наступила тишина. Я отодвинула от себя пустую коробку. Пока Глотов читал, я слопала весь зефир.

– Ничего не понимаю, – пожалала я плечами. – Какая еще сверхсекретная информация? Не знаю я никакой информации.

– Ты и не можешь ее знать, – пояснил майор. – Она заложена в твое подсознание.

– А вы в этом уверены?.. Может, я вовсе и не та Эмма?

– Ну, милая моя, – сказал генерал Пивоваров, – на то мы и разведчики, чтобы знать, та ты Эмма или не та. Прежде чем выйти на тебя, мы проверили все московские школы. Эмма – имя редкое, и, на наше счастье, Эмм оказалось не так уж много. А уж тех, кому от тринадцати до пятнадцати, и того меньше.

– Тем более, – добавил Глотов, – что сегодня тебя пытались устранить.

– А вдруг это случайное совпадение? – не сдавалась я. – Какие-нибудь бандиты пошли на разборку и перепутали адрес.

– В любом случае мы обязаны все досконально проверить, – отрезал генерал.

Я насторожилась.

– И как вы себе все это представляете?

– Логика здесь простая, – принялся объяснять майор Глотов. – Раз они хотели с тобой расправиться, значит, твердо убеждены, что ты и есть та самая Эмма. Поэтому вполне возможна повторная попытка. – Он отхлебнул кофе. – Короче, мы решили использовать тебя как приманку.

Я прямо обалдела от такого объяснения.

– Глотов, – постучал себя пальцем по лбу Пивоваров, – ты соображаешь, что говоришь? Не надо травмировать ребенка раньше времени.

– Я правду сказал, – стал оправдываться майор. – Всегда надо говорить правду.

– Правду, конечно, надо говорить, – согласился генерал. – Но не обязательно всегда.

– А как мы назовем нашу операцию? – перевел разговор на другое Глотов. – Я предлагаю назвать – операция «Эмма». В честь нашей новой бесстрашной сотрудницы.

– Не возражаю. – Пивоваров поднялся со своего места. – Ну что ж, дочка, с этой минуты смерть будет ходить за тобой по пятам. Поэтому осторожность и еще раз осторожность. Это первая и самая основная заповедь шпиона.

– Разведчика, товарищ генерал, – вежливо уточнил майор Глотов.

– Да, да, разведчика, – поправился Пивоваров. – А вам, Глотов, я приказываю незамедлительно приступить к выполнению операции «Эмма». Дорога каждая минута.

– Слушаюсь, Фрол Федосеевич. Вот только...

Брови генерала недовольно поползли вверх.

– Ну что еще?

– Имеются сведения, что в этом деле замешан... доктор Гроб.

– Этого нам еще не хватало, – с досадой пробурчал Пивоваров. Он полез в ящик стола и извлек оттуда фотографию. – Хорошенько запомни этого человека, Эмма. Он крайне опасен.

С фотки на меня смотрел мужчина с безжалостным взглядом убийцы. Он был похож на мертвеца. Мне стало как-то не по себе.

– А кто это?

– Доктор Гроб, – сказал Пивоваров. – Преступник международного масштаба. Мастер диверсий и террора. Пистолетом пользуется чаще, чем носовым платком. По некоторым данным, сейчас находится в Герундии, занимается там некромантией...

– Чем, чем? – не поняла я.

– Гаданием на трупах, – пояснил майор Глотов.

«Боже мой, – подумала я, закрывая глаза. – Автоматчики, стреляющие по дверям, омовцы; Управление внешней разведки, секретный агент Ф-17, операция „Эмма”; какая-то дурацкая информация в моем подсознании; а для полного счастья – еще и доктор Гроб с некромантией...» У меня вдруг возникло странное ощущение, что все это мне только снится. И сейчас я открою глаза и окажусь в гостях у своего дедушки в Задонске. Мы пойдем ловить рыбу, а потом будем есть арбузы в беседке.

Я открыла глаза. Передо мной стояли генерал Пивоваров и майор Готов.

– Поздравляю тебя, Эмма Мухина, – торжественно говорил Пивоваров. – Ты попала в удивительный мир секретной службы. Мир, в котором совершаются самые невероятные и фантастические вещи. У тебя начинается новая, чудесная жизнь, дочка, полная опасностей и приключений. Надеюсь, ты рада?!

– Еще бы, – ответила я. – Просто счастлива.

Глава VI В Париж!

– Не обращай на старика внимания, – сказал мне майор Готов, когда мы вышли из кабинета. – В молодости он мечтал стать актером, поэтому его иногда заносит. Начинает говорить так, словно читает монолог из пьесы.

Мы спустились на лифте тир. Несколько человек стреляли по мишеням.

– Сейчас я научу тебя маленьким, но весьма необходимым в секретной работе вещам. – Готов сунул руку за пазуху и достал пистолет. – Вот это казенник, – принялся объяснять он, – в него вставляется обойма с патронами. А это курок, на него надо нажимать, когда стреляешь.

– Дайте-ка сюда вашу пушку, – перебила я и, забрав у майора пестик, почти не целясь, выстрелила три раза по мишени.

Готов поглядел в оптическую трубу.

– Вот это да! Все три выстрела – в «десятку»! Стреляешь ты отлично, Эмма. Пошли дальше.

Мы пошли дальше. И пришли в спортзал.

Майор Готов подвел меня к двухметровому верзиле, у которого на мускулистом плече было вытатуировано сердечко с надписью «Катя + Боря».

– Борис Сергеич, – обратился к нему Готов. – Познакомься – наша новая сотрудница Эмма Мухина. Покажи ей несколько приемов со смертельным исходом.

Верзила смерил меня презрительным взглядом.

– Готов, – пробасил он, – ты что, совсем спятил? Подростков в разведку берешь. Ей же еще в куклы играть.

– Давайте сейчас и поиграем, – сказала я, задетая его пренебрежительным тоном.

– Ладно, красавица, – усмехнулся верзила, – сама напросилась. Встань вот сюда, около мата. А то боюсь, как бы твои юные косточки не переломались. А теперь смотри...

С этими словами здоровенный кулак верзилы полетел в мою сторону. Я стремительно уклонилась вправо и, резко выбросив левую ногу, ударила его кроссовкой в челюсть!

Нехорошо, конечно, поступила. А кто говорит, что хорошо?..

Верзила грохнулся на мат.

– Неплохой ударчик, – одобрил майор Готов. – Идем дальше.

В секретной библиотеке, куда мы пришли после спортзала, древний старичок долго и нудно объяснял мне, как уходить от погони, как вести себя на допросах и так далее.

– Закрой, милое дитя, глазки, – просил он.

Я закрывала.

– А сейчас открой. Теперь хороше-е-нько подумай, куда я мог спрятать зашифрованное донесение?

– А чего тут думать, – хмыкала я, – оно у вас из уха торчит.

Старичок смущенно закашлял.

– Ну, Эмка, – с восхищением произнес Готов, – ты прирожденная разведчица. – Он глянул на часы. – Жаль, с парашютом не успели попрыгать. А может, ты уже прыгала?

– Чего нет, того нет, – развела я руками.

– Ладно, как-нибудь в следующий раз. Ты только запомни на всякий случай: когда подлетаешь к земле, ноги должны быть ниже головы... А теперь пошли гримироваться.

В какой-то комнате две женщины усадили меня в кресло и принялись накладывать на лицо густой грим, приклеивать ресницы и выщипывать брови... Короче, когда я открыла глаза

и посмотрела на себя в зеркало – передо мной сидела тетка лет тридцати. Тут же явился фотограф и сделал несколько снимков.

– Вот, пожалуй, и все, – удовлетворенно произнес Глотов. – Сейчас твое фото наклеят на загранпаспорт, и можно отправляться в Париж.

– Куда? – не поверила я своим ушам.

– В Париж, милая!

Ну и денек у меня сегодня выдался, прямо не соскучишься. То одно, то другое, то третье... Впрочем, против Парижа я не возражала.

– Только мне надо домой заскочить, – предупредила я майора. – Там же вся дверь дырках.

– Об этом можешь не беспокоиться, – заверил меня Глотов. – Я все улажу. Поставим тебе бронированную дверь. Ее не то что из автомата – из пушки не прошибешь!

Вскоре принесли новенький паспорт, и мы помчались в аэропорт.

– Слушай меня внимательно, девочка, – говорил Глотов, сидя за рулем «Ягуара». – Как только прилетишь в Париж, сразу бери такси и поезжай в русский ресторанчик под названием «Жареный петух». Там ты закажешь две порции борща. Запомни: не одну, а две. К тебе подойдет мужчина средних лет и скажет: «Морская свинка Афанасий». Ты ему ответишь: «Пошла и утопилась в квасе». Это пароль.

Я хихикнула.

– Ничего смешного здесь нет, – нахмурился майор. – Этот простенький пароль помог нам избежать множества провалов. – Он помолчал. – Дальнейшие инструкции получишь непосредственно от нашего резидента в Париже. Все понятно?

– А деньги? – спросила я.

– Какие деньги?

– Интересное дело. На такси, на ресторан...

– Молодец, Эмка, – одобрительно глянул на меня Глотов. – Я специально не стал говорить про деньги. Хотел проверить твою сообразительность. – Он достал бумажник. – Держи, девочка. На первое время тебе хватит.

Мы подкатали к аэропорту.

– Ну, с Богом, – перекрестил меня майор.

– Пока, – махнула я и побежала к самолету.

Глава VII

Ресторан «Жареный петух»

Я уселась на свое место рядом с иллюминатором. После такого напряженного дня я чувствовала себя совершенно разбитой. В проходе салона появилась стюардесса и начала что-то говорить. Но я ее уже не слышала, погрузившись в тревожный, полный кошмаров сон.

Мне снился Володька, который стоял на сцене и вместо скрипки держал автомат Калашникова. Он водил по нему смычком. И автомат стрелял в зрительный зал короткими очередями. Потом появилась Леночка Леонидовна в генеральской форме. Сделав зверское лицо, учительница пошла на меня.

– Попалась, милочка... – Ее длинные пальцы извивались, словно черви.

– Елена Леонидовна, – в ужасе закричала я, – вы кто?!

– Я доктор Гро-об!!! – дико захохотала она.

И все в таком роде.

Проснулась я от того, что кто-то легонько тряс меня за плечо. Я открыла глаза. Рядом со мной стояла стюардесса.

– Мы уже в Париже, – улыбнулась она. – Пора выходить.

И я вышла.

Быстро миновав паспортный контроль, я направилась к стоянке такси. И, как учил майор Глотов, сказала таксисту фразу по-французски: «Ресторан „Жареный петух“, – а для пущей надежности помахала руками и два раза прокукарекала.

– Да понял я, – ответил таксист по-русски, и мы поехали.

В Париже была весна.

За окнами мелькали красочные витрины магазинов, мчались потоки машин, цвели каштаны, гуляли парижане... Неужели я действительно в Париже?! С ума сойти!

Справа показалась Эйфелева башня. А слева я увидела вывеску с русской надписью „Жареный петух“. Между первым и вторым словом сидел нарисованный жареный петух на вертеле и весело улыбался. Чему уж он так радовался?..

...В зале почти никого не было. Так, пара-тройка человек по углам. Я села за столик у окна. Ко мне тотчас подскочил официант в алых шароварах и белой рубашке навыпуск.

– Чего-с изволите, мадемуазель? – спросил он.

– Борщ, – сказала я. – Две порции.

– Вам две порции в одну тарелку?

Я задумалась. Насчет тарелок майор Глотов инструкций не давал. Хотя, если рассуждать логически, не будет же резидент заглядывать в тарелку, прикидывая на глазок – одна там порция или две.

– Нет, две тарелки борща, – твердо ответила я.

– На второе чего изволите?

– Ничего.

– Пить будете?.. Имеется русская водочка.

Я чуть со стула не свалилась. Вот так ресторанчик – школьникам водку предлагают! И уже хотела чего-нибудь состричь на этот счет, но вовремя прикусила язык, вспомнив, что выгляжу далеко не школьницей. Поэтому как можно вежливее сказала:

– Благодарю, любезный, я лучше борщичка похлебаю.

Когда официант принес две тарелки борща, я снова стала в тупик: есть сейчас или подождать резидента? А то, чего доброго, увидит одну тарелку полную, а другую – пустую и подумает, что это провал. Вздохнув, я с сожалением отложила ложку в сторону.

И тут ко мне подсел мужчина. Лет сорока с хвостиком. Он заказал себе курицу-гриль и графин водки. Когда ему принесли заказ, он с такой жадностью набросился на бедную курицу, будто не ел лет двести. А я сидела напротив и глотала слюнки.

Обглодав курицу до самых костей и выпив водки, мужчина вполголоса произнес:

– Морская свинка Афанасий.

Меня прямо зло взяло. Сам налопался до отвала, а теперь пароль говорит.

– Влюбилась в свинку дядю Васю, – мстительно ответила я.

Резидент аж вспотел.

– Что вы сказали? – напряженно спросил он.

– Пошла и утопилась в квасе.

– У-уф, – резидент вытер платком лоб. – Я уж думал, провал. Вы что, пароль забыли?

– Нет, просто решила пошутить.

– Что вы себе позволяете! – зашипел он. – Это секретная работа, а не шуточки. – Потом немного успокоился и заговорил нормальным голосом: – Я сейчас выйду на улицу, через пять минут вы тоже выходите. Встретимся за углом.

– Нет уж, – живо возразила я. – Вы курицу слопали?.. Слопали. Теперь моя очередь подкрепиться.

И я наконец-то принялась за свои борщи. Настроение мое мигом улучшилось.

– Так вы и есть Ф-17? – из любопытства спросила я.

– Ф-17 – наш суперсекретный агент. А меня зовут Жан Тряпье.

– Вы француз?

– Нет, я русский, – нехотя ответил он. – Из-под Вологды. Настоящее имя – Иван Тряпкин.

– А здесь, в Париже, чем занимаетесь? – не унималась я. – Шпионажем?

– Послушай, дорогая, – взорвался Тряпкин, – не слишком ли ты много вопросов задаешь?!

– Тс-с-с, – приставила я ложку к губам. – Нас могут услышать.

Тряпкин перешел на шепот:

– Завтра мы встречаемся с господином Сундзуки. Человеком-мутантом. Он умеет читать мысли и проникать в глубинное подсознание. По твоей фотографии ему...

Я перебила:

– Выходит, это вы свистнули фотку?

– Какую фотку?

Я рассказала о пропавшей фотографии.

– Это работа доктора Гроба! – возбужденно вскочил он со стула. – Значит, ему тоже удалось выйти на господина Сундзуки. Нельзя терять ни секунды. Едем!..

Глава VIII

Визит к господину Сундзуки

Господин Сундзуки оказался мне по колено – крошечный карлик с малюсенькими ручками и ножками.

– Тебя зовут Эмма Мухина, – пропищал он. – Ты русская. Учишься в седьмом классе московской школы № 324. Двоечница, лентяйка и прогульщица.

«Последнее мог бы и не говорить», – подумала я.

– Не перебивай меня! – нервно закричал господин Сундзуки. – Тебе в подсознание заложена секретная информация. Думай об этой информации! Думай!.. Думай!..

Легко сказать – думай. Но как можно думать о том, чего не знаешь? Вот о зефире в шоколаде я могу подумать. И перед моим мысленным взором поплыла большущая коробка зефира.

– Сейчас же перестань думать о зефире! – затопал ножками мутант.

– Но я его очень люблю.

– Мсье Тряпье, – обратился господин Сундзуки к Тряпкину, – смойте с ее лица этот дурацкий грим. Он мне мешает работать.

Мы прошли в ванную.

– А откуда он знает русский язык? – спросила я.

– Он же мутант, – ответил Тряпкин. – А мутанты все знают.

В ванной я вымыла лицо, расчесала волосы и снова превратилась в саму себя.

– Вот это совсем другое дело, – одобрил господин Сундзуки, когда мы вернулись. И опять уставился на меня немигающим взглядом. – Думай об информации! Думай!.. Думай!..

Тряпкин, чтобы не мешать, удалился за дверь. Мы просидели часа полтора, неустанно пялясь друг на друга.

– Мсье Тряпье! – наконец позвал мутант.

– Ну? – заглянул в комнату Тряпкин.

– Баранки гну. Ничего не получается.

– Вы же говорили, что с живой девочкой должно получиться.

– Мало ли что я говорил. Видно, информация заложена очень давно. В раннем детстве.

– И что теперь? – уныло спросил Тряпкин.

– Нужен снимок, на котором ей лет пять, не больше.

Я вспомнила об украденной фотке.

– Господин Сундзуки, вам должны были принести этот снимок!

– Ой, девочка, – отмахнулся мутант, – ты хоть не морочь мне голову.

– И все-таки, – настаивала я, – вы не могли не запомнить этого человека. Он похож на мертвеца.

– Постой, постой, – господин Сундзуки наморщил лоб. – Мужчина с безжалостным взглядом убийцы, не так ли?

– Так! – подтвердила я.

– Доктор Гроб! – с досадой воскликнул Тряпкин. – Все-таки он нас опередил!

– Не волнуйтесь, мсье Тряпье, – успокоил его мутант. – С той фотографией тоже ничего не вышло.

В дверях появилась японка в кимоно. Она пристально посмотрела на господина Сундзуки. Мутант понимающе кивнул.

– Хочу сообщить вам радостное известие, – сказал он, обращаясь к Тряпкину. – Дом окружен полицией. Но я подозреваю, что они такие же полицейские, как вы – Жан Тряпье.

– Это люди доктора Гроба! – Тряпкин выхватил пистолет. – Ну я им сейчас покажу, где раки зимуют!

– Потом будете раков показывать, – остановил его господин Сундзуки. – Это не люди доктора Гроба. Это... Это... – мутант напрягся, – это французская контрразведка! Вы же русский шпион, мсье Тряпье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.